

СЛЕДОВАТЕЛЬ

Марина Заббарова: Пермский край — регион запредельной жестокости

Руководитель Следственного управления СКР по Пермскому краю рассказала в программе «Лобби-холл» на телеканале ВЕТТА о том, почему тяжело расследуются дела о коррупции, а также отчего в Прикамье и страдает так много детей

ВАЛЕРИЙ МАЗАНОВ

«Детей губит равнодушие»

— Марина Николаевна, если говорить об итогах прошедшего года — каким он был для вашего ведомства?

— Был, наверное, обычный год. Огорчает, что он ознаменовался страшными преступлениями против детей. Поэтому называть 2013 год «удачным» язык не поворачивается.

— Вы говорите о пропаже Кирилла Усольцева в Краснокамске? Наверное, это было самое тяжёлое для вас дело?

— Да, в первую очередь об этом. С того момента, как я приехала в Краснокамск и до сегодняшнего дня следствие не продвинулось ни на шаг.

— Но вы будете продолжать поиски?

— Мы будем продолжать поиски до тех пор, пока не найдём Кирилла Усольцева. Сколько бы времени это ни заняло, даже если это будут годы.

— Однако это было далеко не единственное преступление в отношении детей. По вашей оценке, ситуация в Пермском крае в этой сфере тяжёлая?

— Да, очень тяжёлая: 585 потерпевших за 2013 год, 100 изнасиловано, 17 убито. Это просто чудовищно. Посмотрите, какие зверские убийства были в 2013 году! Год начался с дела Насти Сметаниной. Потом был замучен голодом ребёнок в Индустриальном районе Перми. Закончили год двумя изнасилованными и убитыми маленькими девочками. В Свердловском районе была изнасилована трёхлетняя девочка. При этом опять мы зафиксировали рост. Хотя куда дальше катиться?

Причём обратите внимание, что у нас практически нет таких преступлений, как в классическом «ужастике»: ребёнок идёт по улице, его кто-то хватает и куда-то тащит. Есть и такое, конечно, но это единичные случаи. В основном у нас дети становятся жертвами в своей семье. Жертвами пьяных сожителей, случайных собутыльников, соседей. Ближайшие родственники насилуют своих племянников, даже собственных детей.

— Все ли преступники понесли наказание?

— Да. Меня очень радует, что все преступники понесли наказание. Не раскрыто только одно преступление. Это Кирилл Усольцев.

— На ваш взгляд, что нужно сделать, чтобы хотя бы остановить этот рост?

— Законодатель уже принял необходимый комплекс мер для того, чтобы ситуация входила в нормальное русло. Мы вернулись к старым, забытым методам, которые работали в Советском Союзе.

Например, административный надзор. Это хорошо работает, потому что человек, освободившийся из мест лишения свободы, находится под наблюдением участкового полиции. Это и сроки, которые получают обвиняемые в насилии против детей — 17, 20 и 25 лет. И слава богу, что общество избавлено от них на такой срок. Это и возможность лечения таких людей. Услышаны рекомендации медиков, и педофилия признана болезнью. Мы теперь проводим экспертизы, и если человек признан больным педофилией, его будут лечить. И есть надежда, что он выйдет уже без этого пагубного пристрастия. Потерпевшие в соответствии с новым законом будут знать, когда преступник выйдет на свободу. Все это сделал законодатель. Это будет работать, но нужно время.

Нам надо развивать органы опеки и попечительства. Здесь тоже, наконец, появилось положение закона, признающего органы опеки государственными служащими. Ранее эти услуги были отданы в концессию, услуги оказывали, по сути, коммерсанты. Люди требовали привлечь органы опеки к ответственности, а мы не могли этого сделать. Теперь они будут нести ответственность.

— На вашем сайте можно увидеть телефон горячей линии «Ребёнок в опасности». С чем обращаются граждане? Многие ли звонят?

— Нет, звонков не много. Но звонят, и это очень радует. Например, рассказывают, что они заметили, как в соседней квартире обижают ребёнка. Наши граждане стали, наконец, на это реагировать, и я считаю, это прорыв.

— Вообще на сайт СКР, в интернет-приёмные часто поступают сообщения или жалобы?

— Все интернет-приёмные работают очень оперативно. Мой рабочий день начинается с того, что я изучаю: что нам прислали через интернет или о чём позвонили. Мы моментально на это реагируем, подключаем и прокуратуру, и полицию, и органы опеки.

Не надо бояться, что вы ошибётесь. Лучше пусть люди беспокоятся и сообщают нам.

Пусть лучше информация не подтвердится, но мы проверим. Тогда дети не будут умирать у нас от голода и холода в закрытых квартирах. Ведь как показывает практика, детей губит равнодушие.

— В вашем ведомстве работает приёмная федерального руководителя Следственного комитета РФ Александра Бастрыкина. С чем идут туда люди? Может, чтобы на вас пожаловаться?

— Она и открыта для того, чтобы пожаловаться на меня. Правда, приёмная работает уже несколько лет, но пока ни одной жалобы или обращения не было. Дело, наверное, в политике Следственного комитета в целом.

Единственный федеральный чиновник, который ведёт приём граждан, — это Александр Иванович Бастрыкин. Каждую неделю я или кто-нибудь из моих заместителей ведут приём в каком-либо районе Пермского края. За год мы объезжаем все районы. Мы знаем, что не всякий человек, особенно в возрасте, может написать заявление или обратиться к нам через интернет.

— Это такой пиар-ход, демонстрация открытости или работа приносит реальную пользу?

— Работа приносит реальную пользу. В первое время, когда мы начинали такие выезды, было около десятка заявлений с жалобами на моих подчинённых. Сейчас крайне редко бывают жалобы на моих следователей. В последнее время я, в основном, даю консультации, помогаю правильно оформлять заявления. Возвращаюсь из поездок с ворохом писем от граждан и предлагаю коллегам из других ведомств заняться их проблемами. Я же юрист, должна выполнять и эту функцию.

Да и вообще — я принимаю, я совершенно открыта. Ко мне легко попасть, принимаю по предварительной записи. По пятницам принимаю вообще всех желающих.

— Большая очередь выстраивается?

— Поскольку легко попасть — очередь никогда не выстраивается.

«У нас не стыдно быть коррупционером»

— Минувший год лично для вас ознаменовался тем, что с вами был продлён контракт, ваши полномочия были продлены ещё на пять лет. Вы

ставите перед собой какие-то задачи на эту пятилетку?

— Следователи не ставят целей на пятилетку. Будем работать. У нас нет никаких целевых показателей, нет никакой «палочной» системы. У нас одна задача: раскрывать тяжкие и особо тяжкие преступления.

— К таким преступлениям относятся убийства, изнасилования, налоговые преступления, коррупция и преступления в отношении детей, экономические преступления. Это довольно широкий круг ответственности и полномочий. При этом у вас — ограниченный штат. Нагрузка на ваших сотрудников адекватна?

— Нет, она выше нормы. Ни для кого не секрет, что мы в криминогенном плане очень тяжёлый регион с большим весом особо тяжких преступлений, даже несмотря на некоторое снижение в последнее время этого показателя.

Пермский край — регион запредельной жестокости. Такого в принципе в России нет нигде.

— Если вы ставите такой диагноз, должны быть и методы лечения. У вас есть предложения, как можно снизить эту «запредельную жестокость»?

— По крайней мере, я вижу причины. У нас утрачены традиционные ценности. Часто не работает материнский инстинкт. Идёт алкоголизация и деградация населения. Огромная безработица. В последние годы мы вырастили целое поколение нахлебников, которые считают, что им всё должны дать, что они на всё имеют право.

— Ещё одно тяжёлое направление вашей деятельности — это расследование дел по коррупции. Один из федеральных руководителей вашего ведомства не так давно сказал, что реальная коррупция в тысячи раз больше, чем это фиксируется официально. Можете пояснить, почему не можем обозначить реальный объём коррупции и наказать коррупционеров?

— Наказать-то коррупционеров мы можем. Но мы никуда не продвинемся, поскольку у нас в стране не стыдно быть коррупционером. Посмотрите, все наши коррупционеры в медийном пространстве получают премии как выдающиеся общественные деятели, они по-прежнему занимают свои рабочие места.